

это бездействие перед лицом катастрофы. Иисус ушел, покинул этот мир, но «поцелуй горит на сердце»¹³ человека, напоминая о Боге, о силе самого человека. Только сильный человек откажется от революции, от любовью высоты и власти и увидит в другом человеке своего ближнего, равного ему перед Богом. Только на таком духовном равенстве и строится жизнь. «Сильный, поскольку он сильный, не противостоит никому и находится за пределами всего. Он не спешит вперед, он ждет. Он не отдыхает, он бодрствует. Он не критикует (для этого он слишком критичен), он надеется. Он не воспитывает, он молится, или он воспитывает через свою молитву. Он не выступает вперед, он отступает назад. Но он ведет, ибо не предводительствует. Он прорывается вперед, ибо ничего не

разрушает. Он побеждает, ибо он покоряется. Он светит, ибо он невидим. Он нигде, ибо он повсюду»¹⁴.

Примечания

¹ Барт К. Послание к Римлянам / К. Барт. М., 2005. С.28.

² Там же. С.318.

³ Гараджа В.И. Критика новых течений в протестантской теологии / В.И. Гараджа. М., 1967. С.11.

⁴ Барт К. Указ. соч. С.174.

⁵ Громадка Й.Л. Перелом в протестантской теологии / Й.Л. Громадка. М., 1993. С.164.

⁶ Барт К. Указ. соч. С.425.

⁷ Там же. С.465.

⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман: в 2 кн. Кн.1 / Ф.М. Достоевский. М., 2003. С.271.

⁹ Там же.

¹⁰ Барт К. Указ. соч. С.419.

¹¹ Там же. С.380.

¹² Там же. С.426.

¹³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С.273.

¹⁴ Барт К. Указ. соч. С.509.

УДК 13; 371

ДЕГРАДАЦИЯ ПОНИМАНИЯ И СОЦИОПСИХИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

О.И. Тарасова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: ol.tar@mail.ru

Человек целостный, думающий, чувствующий, понимающий, творческий, поэтический – не состоялся. Человек разумный и духовный становится человеком интеллектуальным, функционирующим и бездуховным. Основу антропологического кризиса составляет «бегство от мышления»: отождествление мышления и приобретенных навыков, понимания и операциональности, разума и рассудка.

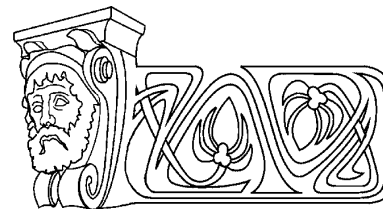
Ключевые слова: понимание, мышление, творчество, пассивность сознания, антропологический кризис.

Degradation of Understanding and Socio-Mental Essence of the Person

O.I. Tarasova

The Person thinking, feeling, understanding, creative, poetic did not took place. The person reasonable and spiritual becomes the person intellectual, functioning. A basis of anthropological crisis makes «to escaping from thinking»: an identification of thinking and the got skills, understanding and operating, reason and mind.

Key words: understanding, thinking, creativity, passivity of consciousness, anthropological crisis.

Очевидно, опасность не в том, что мир становится полностью технизированным, а в том, что мы не готовы осмысленно встретить наступление на жизнь и сущность человека, более того, – деформацию человеческой сущности.

Наука вынуждена констатировать, что целостный человек не состоялся и не состоялся человек думающий, чувствующий, творческий, поэтический. При этом современного человека часто характеризуют как человека с «закрытым» или «спящим сознанием». Исследователи полагают, что это следствие той раздробленности Я, отчужденности от собственной жизни, которая возникает как проявление искусственного, опосредованного характера психической жизни в целом.

Бездумность – это болезнь, уничтожающая сущность человека. М. Хайдеггер отмечал, что «сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это бегство от мышления и есть основа бездумности»¹. Одним из способов такого бегства становится отождествление мышления и приобретенных навыков, понимания и операциональности, разума и рассудка. Человек разумный и духовный становится человеком интеллектуальным, функционирующим и бездуховным. А «духовная шизофрения (условное название множественных поломок естественной натуры) – новая реальность, в которую погружается одинокое и безнравственное существо»².

Основу антропологического кризиса составляет бегство от мышления, деградация понимания, неспособность человека непосредственно встретиться с реальностью. Лишенный мыслящего сознания, он лишается доступа к творчеству. Когда творческое начало в человеке подавляется неблагоприятными условиями его существования, в нем начинает доминировать «одна лишь тварность, с которой связаны пассивность и страдание. Эти качества неуклонно приближают человека к небытию, способствуют его умиранию»³. Возможность программирования и манипуляции сознанием ведет к программируемой тварности. Поэтому человек с закрытым сознанием – это андроид нового типа с развитыми витальными потребностями, приобретенными навыками социально-кибернетического функционирования, лишенный творческого мышления и полноценного отношения к бытию.

Письменность как технический, опосредующий способ коммуникации разрушает онтологическое единство слышащей событийности на «субъект речи» и «объект слуха», создает возможность дистанцирования человека от мира, от других и самого себя. Дистанцирование есть показатель разрушения социокультурных связей, свойств устной традиции, всех родовых отношений и родственных чувств. М. Маклюэн отмечает, что когда письменность взрывает племенную или семейную общность родового человека, высвобождается энергия, сопоставимая с энергией расщепления ядра.

Эта индивидуализация и атомизация социокультурного пространства неизбежно требует компенсации. Как указывает Ж. Бодрийяр, интерактивное существо рождается не от новой формы обмена, но от исчезновения социальных связей и отличий. «Это тот другой, который появляется после гибели Другого и уже не есть то, что было прежде. Это – результат отрицания Другого»⁴.

Процесс атомизации общества как нарастание дистанцированности индивидов компенсируется повышенной интерактивностью, опосредуемой системой коммуникаций. Письменный тип коммуникации требует не вмещающей обращенности к Другому, а навыков обращения с текстом. Специфика письменной культуры, ее ориентация на постоянное умножение/производство текстов оборачивается не только необозримостью информационного архива, но и тем, что при дуализме формы и содержания «форма как таковая начинает играть роль паразитарного механизма, существующая наряду с сугубо интеллектуальной формой произведения»⁵. Паразитарная форма опосредования «стягивает» на себя все творческие и интеллектуальные возможности человека, накладывает жесткий запрет «на взаимность» и непосредственное взаимодействие с реальностью. Иначе говоря, гипертрофированная система опосредованного взаимодействия с реальностью основывается на неосознаваемом паразитарном механизме письма, который сам по себе ничем техническим не является. А непосредственное постижение и понимание бытия заменяется операциональными навыками производства и потребления текстов. Как отмечает Ф.И. Гиренок, очень немногие почувствовали, как совершился переход из пространства мысли в пространство текста, производство и потребление которого может существовать, только имитируя мысль и создавая иллюзию ее существования⁶. И эта гипертрофированная паразитарная форма опосредования отражается в социокультурной реальности в тех неестественных «возрастаниях», которые Ж. Бодрийяр сравнивает с раковыми опухолями.

В эпоху книги, когда линейность, гомогенность и воспроизводимость становятся

доминирующими характеристиками мышления, когда происходит формирование индустриальной цивилизации и массового потребителя, осуществляется процесс снижения внутреннего психологического и эмоционального разнообразия, аналогичный процессу семантического упрощения структуры культуры (Ю.М. Лотман). Письменность создает гораздо более простые типы людей по сравнению с теми, которые развиваются в сложной паутине обычных племенных и устных обществ. Ибо фрагментированный человек создает гомогенизированный западный мир, тогда как устные общества состоят из людей дифференцированных, но дифференцированных не «специалистскими» навыками или видимыми признаками, а уникальными эмоциональными смещениями. «Внутренний мир устного человека представляет собой сплетение сложных эмоций и чувств, которые практичный человек Запада давным-давно внутри себя разрушил или подавил в интересах эффективности и практичности»⁷.

Массовые грамотность, книга, школа способствовали формированию массового человека как феномена массовой культуры. В то время, когда формируются однотипные реакции индивидуализированного человека массового индустриального общества, все своеобразие личности как бы стирается, и начинается «серийное производство» человека. И чем сильнее утрачиваются личностные качества, чем однотипнее становится «человек-масса», тем более актуальным становится процесс «авторизации», персонализации. «Личность отсутствует, она мертва, выметена из нашей функциональной вселенной. И именно эта отсутствующая личность, эта утерянная инстанция стремится «персонализироваться». Именно это утерянное существо собирается вновь конституироваться in abstracto с помощью знаков, умноженного набора отличий. Логика персонализации <...> одновременно является натурализацией, функционализацией, культуризацией и т.д. Общий процесс может быть определен исторически: монополистическая индустриальная концентрация, уничтожая реальные различия между людьми, делает однообразными личности и продукты и одновременно освящает царство дифференциации»⁸.

Процесс упрощения психического разнообразия человека переходит от стадии омасовления к этапу стандартизации и серийному размножению, т.е. клонированию человека. Клонирование устраняет не только отца и мать, как отмечено Бодрийяром, но и устраняет человека от живой человеческой преемственности, от наследования человечности. Живое возникает только из живого в бесконечной линии продолжения жизни: так и чудо человеческого передается только от человека к человеку в бесконечной цепи преемственности и наследования бытия.

Бодрийяр отмечает, что клон – это отмена и уничтожение всех возможных изменений. Бесконечное тиражирование и серийное размножение человека становится способом его самоуничтожения. Более того, мы не представляем себе уровень развития технологии, которая, производя идентичные существа, делает невозможным возврат к существу изначальному. Имитация достигает черты, за которой нет возврата. Индивид теперь является собой некий раковый метастаз формулы, лежащей в его основе⁹. Нарушение меры допустимых изменений, чрезмерное изменение параметров гибкости и устойчивости грозят человеку не только подчинением технике, но и окончательным вырождением.

Отсутствие меры возможной изменчивости приводит к тотальному упрощению. И современный идеальный клон – это «субъект, из которого вымарано все Другое, который лишен возможности деления и обречен на метастазирование самого себя, на чистое повторение. Это уже не ад, созданный отличием, это ад Того же самого»¹⁰. Э. Фромм, имея в виду метафору «все в одном и одно – во всем», говорил, что в одном индивиде представлен весь род человеческий, что индивид со своими особенностями в этом смысле уникален; и в то же время он носитель всех характерных свойств человеческого рода¹¹. Но клонирование репродуцирует и воспроизводит замкнутый ад того же самого.

Переход от устности к письменности изменяет способ преемственности и наследования: от со-творческого инвариантного бытования к точной информационной трансляции. Вытеснение традиционного фольклора «фольклором индустриальной эпохи», а уст-

ной традиции – массовой культурой означает изменение творческой событийности на «инструментальное любопытство» (Бодрийяр), поскольку ни реклама, ни поп-арт не нуждаются в эстетическом чувстве и глубине переживании. «Поп-арт – это спокойное искусство: оно не требует ни эстетического экстаза, ни эмоционального или символического участия (deep involvement), а требует своего рода “abstract involvement”, инструментального любопытства»¹².

В условиях устности при онтологическом единстве речи и слуха, при творческом бытовании культуры нет привычной для письменности дифференциации на автора (механического исполнителя) и нетворческую пассивную потребительскую публику. «С развитием индивидуального начала в литературе и, тем более, с введением книгопечатания происходит разделение труда – переписчик (наборщик, типографский рабочий) выключается из творческого процесса. За ним остается чисто техническая роль. В отличие от этого в фольклоре исполнитель всегда остается участником творческого, по своей природе, процесса бытования»¹³. Появление нетворческой потребительской публики, в широком смысле слова, относится не только к художественному творчеству, но и ко всем видам деятельности. Например, в каком объеме необходимо знать физику и математику, чтобы быть больше, чем пользователь/публика, или больше, чем сервисная служба/исполнители? Это деградация уровня знания является вариантом социального запрета на взаимность – как запрета на соответствующие знания, на со-ответ-вующий и со-ответствующий уровень со-знания и образованности.

При переходе от устности традиционной к устности электронной, при угасании творческих навыков на полюсе восприятия и социальном запрете на взаимность «равенство в творчестве» равенство перед творческим канонem сменяется творческим неравенством и формальным равенством перед записанным кодексом, равенством перед буквой и потребительской стоимостью. Традиционная эстетическая реальность, связанная с каноническим мышлением и «теорией сходства», за-

меняется социально-технологической повседневностью, кодексом и дифференциацией. «Функция системы дифференциации выходит далеко за рамки удовлетворения потребностей в престиже <...> Система исключает всякое оригинальное качество, удерживая только различительную схему и ее систематическое производство»¹⁴. Равенство перед записанным кодексом и потребительской стоимостью означает творческое неравенство и неравенство в возможности умственных усилий.

«Порабощение воображения» (Г. Маркузе), тенденция письменной культуры к умственному потребительству постепенно приводит к деградации образного мышления, к утрате психикой способности самостоятельно генерировать и интерпретировать образы. При подчинении ситуации безответности, под властью автоматически действующего означающего любое проявление внутреннего убеждения неизбежно становится бессильным. Подавляя внутреннее, субъективное, «социокультурная система осуществляет эффективное, но не традиционно медикаментозное, а символическое “зомбирование” каждого отдельного человека»¹⁵. Массмедийные коммуникативные технологии сводят на нет «внутреннее измерение сознания» (Г. Маркузе), а всеобщая коммуникация и перенасыщение информацией представляют угрозу для защитных свойств человеческого организма. Это символическое интеллектуальное пространство, где рождаются суждения, не защищено более ничем¹⁶. Иначе говоря, под давлением технологий открытость миру трансформируется в открытую беззащитность для манипуляций немыслящего сознания.

Один из основателей теории информации А. Тьюринг в свое время сформулировал парадоксальный вопрос: если машина способна осуществлять сверхсложные действия так, что ее реакцию практически невозможно отличить от реакции человека, то, следовательно, машина может обладать человеческим сознанием? Пассивность немыслящего сознания и опасность символического интеллектуального зомбирования открывает неограниченную перспективу информационного

тоталитаризма как форму информационного социально-кибернетического рабства. Благодаря бегству от мышления и бездумной глупости возникает новый конформизм «счастливого сознания» (Г. Маркузе). Характеризуя новое комфортабельное функционирование «счастливого сознания», и А.А. Зиновьев, и Ж. Бодрийяр, по сути, формулируют парадокс Тьюринга на социопсихическом уровне. «Настоящая пассивность заключается в беззаботном соответствии с системой “динамических” кадров с живыми глазами и широкими плечами, совершенно адаптированных к современной активности. Усталость – это активность, скрытое, хроническое восстание, само по себе бессознательное»¹⁷. Аналогичным образом говорит А.А. Зиновьев: «Наступает диктатура мира делового и вещного. Основная масса людей превращается в роботов нового типа <...> Смысл жизни просто пропадет как нечто излишнее <...> Будут жить здоровые, долго и бездумно живущие существа, однообразно автоматизированные. Человечество выродится именно на основе своих баснословных достижений»¹⁸. В новой искусственной социотехнической безбытийной реальности могут жить только специально адаптированные существа, те, которые «разумно движутся, оставаясь неразумными» (М.К. Петров).

Технически цивилизованный человек изначально лишен экзистенциального чувства единства с миром, чувства единства с жизнью. Отсутствие этих чувств как свидетельство «закрытости» психики ощущается как невроз, тревога, неспособность регулировать естественные процессы жизнедеятельности между истинным бытием и неистинным. Иначе говоря, «неврозы сигнализируют о нарушении механизмов саморегуляции жизни. Естественная природа как бы умолкает для разума. Человек теряется в выборе добра и зла, не может отличить истину от лжи. Разум не помогает в такие минуты, может увлечься иллюзиями. И тогда становится легко манипулировать разумом извне идеологией, политикой, религией, навязывая ему ложные идеи»¹⁹.

Человек без чувств оказывается в экзистенциальном вакууме, он лишается и чувства жизни, возможности мышления и творче-

ства, оказывается в ситуации экзистенциального риска. Избавление от информационных перегрузок и монотонности функционирования, попытка восстановить жизненные силы превращается в поиск возбуждения, прямого или косвенного, чтобы получить «ощущение жизни». И наркомания, и алкоголизм по своей «духовной» сущности – это попытка компенсировать потерю чувства жизни, ее красоты, целостности и смысла искусственным путем. Они позволяют сбросить иго разума и переживать мир в его непосредственности. Но за «химические удары по мозгам» надо страшно платить. Удовлетворяемая таким способом тяга к обновлению чувств, к более яркой реальности завершается потерей всякого интереса к ней – бесчувствием²⁰.

Человек без чувств, с остановленным умственным усилием деградирует до отождествления себя с искусственным интеллектом, забывая, что «мышление машин» – это всего одна из проекций человеческого мышления. Теперь примитивный компьютерный интеллект возведен в ранг вершины прогресса. Но исчисляющее мышление – это только частный вид мышления, только калькулирующее мышление, даже если оно не оперирует цифрами и не пользуется компьютером. А все «умные» машины всегда останутся машинами, материализованной технологией расчета и исчисления. А искусство мышления, мышление как творчество, «сознание как акт осознания» (М. Мамардашвили), а не как операциональность, принципиально, в силу отсутствия чувств, им недоступна. Искусственный разум лишен способности мышления, потому что он безыскусен. Эти машины обладают лишь наивностью счета; единственные игры, которые они могут предложить, – сочетания и перестановки²¹. Отождествление человека с машиной можно рассматривать как проявление духовной патологии цивилизации, одной из форм духовной шизофрении. Закономерно, что под воздействием фундаментального принуждения техники гамлетовский вопрос «быть или не быть?» для современного одномерного индивида без свойств превратился в технологическую проблему: «кто я: человек или компьютер?».

Деятельность человека всегда будет отличаться от работы даже самой умной машины теми чувствами, какие испытывает человек в процессе труда. Человек научился изобретать машины, которые умеют работать, думать, перемещаться в пространстве лучше, чем он сам, но не в его силах найти информационно-технологическую замену удовольствия человека, удовольствия быть человеком. Машины не обладают теми смешными излишествами, тем избытком жизни, который у людей является источником наслаждения или страдания, благодаря которым люди способны выйти из очерченных рамок и приблизиться к цели. Машина никогда не презойдет свою собственную операцию²².

Только нормальное развитие человека связано с пробуждением и культивированием в нем интеллектуального, эмоционального и практического творчества, потому что творчество – это норма бытия, а не его патология. В целом отчуждение от творчества оказывается отчуждением от мышления, понимания и осознания бытия. «Содержание мысли не может войти в нас извне, мы должны извлечь его из собственных глубин. Сознание – это творчество»²³.

Примечания

¹ Хайдеггер М. Отрешенность / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С.103.

² Букреев В.И. Человек агрессивный. Истоки международного терроризма / В.И. Букреев. М., 2007. С.326.

³ Омельченко Н.В. Опыт философской антропологии / Н.В. Омельченко. Волгоград, 2005. С.101.

⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С. 185, 109.

⁵ Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. М., 2008. С.110.

⁶ См.: Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. М., 2008. С.18.

⁷ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. М., 2003. С.60–61.

⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С.119–121.

⁹ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С.176–177.

¹⁰ Там же. С.181.

¹¹ Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. М., 2006. С.55.

¹² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр. М., 2006. С.156–157.

¹³ Чистов К.В. Специфика фольклора в свете теории информации / К.В. Чистов // Вопр. философии. 1972. №6. С.112.

¹⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. С.125.

¹⁵ Пигалев А.И. Призрачная реальность культуры: Фетишизм и наглядность невидимого / А.И. Пигалев. Волгоград, 2003. С.313–314.

¹⁶ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 185, 109.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. С.232.

¹⁸ Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. М., 2006. С.516.

¹⁹ Букреев В.И. Человек агрессивный. Истоки международного терроризма / В.И. Букреев. М., 2007. С.26.

²⁰ См.: Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества) / В.А. Кутырев. Смоленск, 2006. С.297–298.

²¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С.76–78.

²² Там же. С.77–78.

²³ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. М., 1991. С.217.